

Прежде чем высказать свои соображения о состоянии нынешней социально-экономической модели России, в первую очередь следует проанализировать положение либерализма в мире в последние четверть века. Рассматривать эти проблемы в отрыве друг от друга, полагаю, было бы неправильным.

Как известно, команда Е. Гайдара под руководством Б. Ельцина взяла на вооружение экономическую модель “чикагской” школы и ее вдохновителя М. Фридмана, а также в качестве ее основ – положения “Вашингтонского консенсуса”. Принятие теории монетаристской политики и доктрины “Вашингтонского консенсуса”, как известно, произошло сразу же после распада Советского Союза.

Естественно, возникает вопрос: а остался ли мир тем же, каким он был четверть века назад, в то трагические для нас время? Может быть, мир до сих пор свято верит в навязанные постулаты “Вашингтонского консенсуса”? Или он изменился и уже совсем не тот, что был?

Неолиберализм и “Вашингтонский консенсус” в современном мире

В этой части главы мной использован материал статьи известного ученого и общественного деятеля Г. Джейкобса, опубликованной в журнале “Мир перемен”.

Распад Советского Союза, серьезные изменения в политической системе Восточной Европы для западного демократизма не означал победы, он только убрал противовес гуманистической привлекательности социализма. Находясь в эйфории от этих исторических событий, о которых они мечтали десятки лет, европейские страны пошли по пути, который в конечном итоге привел к угрозе стабильности и устойчивости западного общества.

Все это привело к глобализации, финансовой, глобальным слияниям, международным налоговым гаваням, максимизации акционерной стоимости, захвату государства олигархами и плутократией, – а это, в свою очередь – к увеличению экономического неравенства, росту поляризации и дестабилизации общества и превращению политических процессов в хаос. Равновесие политических, экономических и правовых принципов было нарушено.

Подобная политика западных обществ выразилась в борьбе за эгоистические корыстные интересы не самого передового меньшинства, пытающегося

* Журнал продолжает публикацию глав из книги видного политического и хозяйственного деятеля Н. И. Рыжкова “Тернистый путь России”. Начало в №7 за 2018 год.

навязать свои идеи подавляемому большинству. Корпоративная власть и власть денег превращают представительские правительства в плутократических псевдореформаторов. Идеалы человечества игнорируются и существуют только в риторике. Достижения цивилизации стали хрупкими и шаткими. В результате появилось довольно большое количество популистов и автократов, выросла организованная преступность, которая проникает в аппарат правительств для удовлетворения своих экономических интересов.

Окончание “холодной” войны, распад СССР, уход с политической арены Восточной Европы и Центральной Азии, воссоединение Германии должны были привести мир к свободе и процветанию.

Многие западные лидеры были убеждены, что эти события являются окончательным торжеством идеологии, выразителями которой были Р. Рейган и М. Тэтчер в 1980-х годах. Изменения в восточноевропейских странах они рассматривали как триумф западной экономической и политической системы, считая, что это окончательная победа либеральной демократии, мудрость рынка и “Вашингтонского консенсуса”. Они считали, что освободив стихию необузданного капитализма, денационализируя предприятия государственного сектора и проведя демонтаж системы социальной защиты людей, они за последние десятилетия повысили уровень жизни в Западной Европе до небывалых высот.

Широко распространилась “пьяная” эйфория идеологов тех событий. Довольно старый бренд капитализма, дискредитированный после Великой депрессии, вернулся в моду и приобрел силы. Многие бывшие коммунистические политики и лидеры, ученые сменили свою позицию и перешли на другую сторону, приняли новую ортодоксальность и бросились руководить распроданной государственной собственностью, что впоследствии было названо “величайшим ограблением в истории”.

Мало кто осознал, что конец политического противостояния между Востоком и Западом будет благодатной почвой для новой и более коварной угрозы западной демократии. Самопровозглашенные победители в идеологической битве упивались своими успехами. За десятилетия мировой рынок превратился в обширную зону для нерегулируемого капитализма, в новый Дикий Запад для захвата земель и спекуляций, для “глобальных азартных игр в казино”. Произошло быстрое перемещение корпоративных штаб-квартир в офшорные налоговые гавани, с тем чтобы избежать расчета за свои гигантские доходы с обществом, которое и обеспечивало их создание. Была разработана сложная система с целью уклонения от преследования налоговых органов. За 5 лет теневой банкинг увеличился с 1,3 трлн долларов в 2011 году до 31 трлн долларов. Корпорации начали направлять свои рекордные прибыли в слияния и поглощения, в выкуп акций, в офшорные налоговые гавани и в спекулятивные операции. В то же время капитальные вложения в НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы), в новые производственные мощности и новые рабочие места сократились за 2000–2010 годы на 21%.

Бум в ценах на недвижимость и сырьевые товары побудил бывшего председателя Федеральной резервной системы (ФРС) США А. Гринспена и его преемника Б. Бернанке отрицать, что в экономике страны формируется финансовый пузырь. Для них было полной неожиданностью, когда начался глобальный финансовый кризис 2008 года. Беспрецедентное количество денег было выброшено на мировые рынки для того, чтобы спасти финансовую отрасль от последствий ее же собственных действий — а в то же время миллионы американцев лишились своих домов и рабочих мест. Кризис, как известно, быстро распространился, рост безработных в Европе можно было сравнить только с периодом “ревущих двадцатых”.

До тех пор, пока коммунизм существовал как жизнеспособный соперник, капитализм был вынужден идти на компромисс между индивидуальной выгодой и социальным равенством. После разрушения СССР и Варшавского договора вместо укрепления либеральной демократии необузданная экономическая мощь стала самой большой угрозой для политической системы. Во всем мире власть денег и коммерческие интересы проникли повсюду и все больше контролируют сферу управления. По мнению специалистов, рост неолиберализма в последние десятилетия после окончания “холодной” войны — это захват политической, финансовой и корпоративной власти с помощью коррупции, который представляет собой угрозу будущему демократии.

И в заключение. Неолиберальная интеллектуальная структура оправдывает скрытые формы возвращения к закону джунглей, уроки же истории четко говорят о том, что наиболее широкое и справедливое распределение политической власти, социальных прав еще не осуществлено, и самая справедливая, жизнеспособная, процветающая и творческая система управления пока не создана.

Советское общество и социалистический строй ушли в небытие. Гибель СССР сильно повлияла на дальнейшее развитие капитализма практически во всех государствах мира. Уже 30 лет они не испытывают конкуренции, и все эти годы пытаются скинуть с себя обязательства по социальному обеспечению своих граждан, отказаться от уступок, на которые они ранее шли из страха перед серьезным и мощным конкурентом – Советским Союзом с его социальными достижениями.

Почти 30 лет не растут доходы людей в капиталистических странах. Например, у 99% населения США за эти годы доходы увеличились лишь на четверть, у сверхбогачей же, составляющих всего 1%, – более чем на 60%. Аналогичное положение в Европе. Здесь уже давно зарплаты сильно отстают от роста производительности труда. Наступление на трудящихся происходит по всем фронтам: сокращаются социальные гарантии, законодательство меняется в пользу работодателей, повсеместно уничтожаются профсоюзные организации и т. д.

Вот что происходит в мире при господстве одной лишь системы, к тому же основанной на модели неолиберальной экономики. Имея такие результаты – а о том, что это неизбежно произойдет при сломе конкурентной социально-экономической модели Советского Союза, говорилось и предупреждалось в те далекие годы, – можно ли и дальше продолжать и у нас в России эту обанкротившуюся политику? Не о благополучии 1% людей следует думать, а о жизни всего народа страны. Ведь в Конституции записано, что наша страна является социальным, а никак не компрадорским государством!

Итоги “Вашингтонского консенсуса” в России

Итак, мы познакомились с положением, создавшимся в экономиках западных “демократических” стран в последние 30 лет после разрушения Советского Союза и социалистического сообщества стран Восточной Европы. Если внимательно вникнуть в протекающие у них процессы, то можно сделать твердый вывод, что нечто подобное, может быть, со своей спецификой, произошло и у нас в России.

Что бросается в глаза – так это то обстоятельство, что такие совпадения произошли в странах с совершенно разными общественно-политическими системами: в странах с устоявшимися демократическими основами Запада и на постсоветском пространстве, где в течение десятков лет была иная общественно-политическая основа. Логический анализ позволяет сделать вывод, что происходящие в последние 30 лет экономические катаклизмы не считаются с существующими политическими системами. Неолиберализм, сам по себе ущербный, несет в реальную жизнь все то, о чем было высказано выше. Только такую оценку можно дать этой экономической модели.

Особенностью нашей страны в эти годы было то, что если на Западе неолиберализм попадал на почву действующих экономических моделей и постепенно их реформировал, то у нас после развала СССР была полностью разрушена существовавшая экономическая модель. В этом и заключается наша трагедия. “Отцы” чистого рыночного хозяйствования, уничтожив ненавистную им социалистическую экономическую модель, даже и не задумывались о том, чтобы создать новую. Да и западным учителям это было не только ни к чему, а даже вредно и опасно. Им нужна никем не управляемая, слабая страна с ее богатствами.

Вот так мы оказались не в поиске пропорционального соотношения “паруса” и “руля”, о которых говорил наш соотечественник В. В. Леонтьев, – а и вовсе без “руля и ветрил”. Это был двойной удар по экономике России.

И если сытый Запад лишь несколько потерял свой лоск, то мы откатились по многим жизненным позициям далеко назад. Я с большой горечью цитирую данные, опубликованные в 2017 году и демонстрирующие наши своеобразные “рекорды” по отсталости.

По уровню экономического развития мы скатились и прочно заняли 10-е место. Многие же другие страны за эти годы развились весьма динамично и заняли передовые позиции в мире – например, Китай, Индия и т. д.

Мы занимаем первое место по снижению производства. Согласно статистическим данным Росстата, в промышленности страны уничтожено практически все, что немного сложнее производства зерна, хлеба, энергоресурсов (“трубная отрасль”), первичной металлургии и отверточной сборки продукции иностранных компаний.

Если за точку отсчета взять 1990 год и сравнить с 2016-м (последняя доступная статистика), то с производством у нас выглядит так:

- тракторы на колесном ходу – падение производства в 15 раз;
- кормоуборочные комбайны – в 20 раз;
- комбайны зерноуборочные – в 11 раз;
- экскаваторы – в 17 раз;
- бульдозеры самоходные – в 29 раз;
- тракторы гусеничные – в 270 раз.

Тяжелое же машиностроение, строительная и сельскохозяйственная техника и связанное с ними производство комплектующих уничтожено едва ли не полностью.

Станкостроение и оборудование для промышленного производства переживают не меньший кризис:

- станки металлорежущие – производство сократилось в 17 раз;
- станки деревообрабатывающие – тут всего лишь падение в 5 раз, что по современным меркам считается чуть ли не победой;
- машины кузнечно-прессовые – сокращение в 9 раз;
- станки ткацкие – в 2 670 раз;
- турбины паровые в пересчете на кВт – в 11 раз;
- турбины газовые в пересчете на кВт – в 2 раза.

В транспортном машиностроении дела немногим лучше. В первую очередь за счет отверточной сборки продукции иностранных компаний, если говорить о самом емком сегменте в денежном эквиваленте – производстве легковых автомобилей. Если брать только российские компании (АвтоВАЗ в первую очередь), то снижение производства с уровня 1990 года – примерно в 2,5–3 раза. Остальное – отверточное производство.

- По грузовикам сокращение в 6 раз;
- троллейбусы – в 11 раз;
- вагоны пассажирские (главный заказчик РЖД и Мосметро) – падение примерно в 2 раза;
- в целом неплохо смотрятся магистральные электровозы – примерно на уровне 1990 года.

Если сравнивать нынешнее производство с прошлым, советским, то по добыче угля Россия скатилась до уровня 1957 года, по производству грузовых автомобилей – 1937 года, комбайнов – 1933 года, тракторов – 1932 года, вагонов – 1910 года, обуви – 1900 года.

Нельзя не отметить такие социальные “язвы”, как 4 млн бомжей, 3 млн нищих, 3 млн уличных и привокзальных проституток, примерно 1,5 млн русских женщин “работают” на панелях Европы и Азии, 5 млн наркоманов, более 6 млн болеют СПИДом и т. д.

Российская Федерация “держит” первое место в мире:

- по числу детей, брошенных родителями;
- по числу взяток при поступлении в вузы;
- по числу разводов и рожденных вне брака детей;
- по числу педофилов;
- по смертности от самоубийств среди подростков 15–19 лет;
- по количеству самоубийств среди пожилых людей;
- по употреблению наркотиков – афганского героина. Около 100 тысяч россиян гибнет ежегодно от наркотической передозировки.

Это только некоторые данные о нашем “первенстве” в социально-экономической сфере.

Не менее впечатляют позиции, по которым мы занимаем второе место в мире:

- по уровню бюрократии;

– по распространению поддельных лекарств. 93% медикаментов, реализуемых через общедоступные аптеки, фальсифицированы и не соответствуют срокам годности. В России ежегодно реализуется на 300 млн евро фальсифицированных медикаментов.

По некоторым показателям нашей социально-экономической жизни мы занимаем в мире места, не достойные великой державы, государства, имеющего огромный потенциал. Итак, мы занимаем:

– 57-е место по качеству жизни;

– 62-е место по уровню технологического развития (между Коста-Рикой и Пакистаном);

– 97-е место по доходам на душу населения;

– 126-е место из 156 в рейтинге “честности чиновников”;

– 127-е место в мире по показателям здоровья населения;

– 134-е место в мире по продолжительности жизни;

– распространенность коррупции в России за 2006–2015 годы достигла африканского уровня;

– за последние десятилетия на 40% сократилось население на Дальнем Востоке и на 60% – на Крайнем Севере. В Сибири за годы после развала СССР исчезло 12 тыс. деревень и 290 городов.

В то же время у нас 1,5 млн чиновников – вдвое больше, чем в СССР. На взятки и подкуп должностных лиц ежегодно затрачивается около 33,5 млрд долларов.

Эти страшные цифры говорят о том большом неблагополучии, которое может привести к гибели нашей великой нации. Они звучат как приговор тем, кто четверть века назад взял на вооружение экономическую модель, направленную не на развитие, а на превращение нашей великой державы в заурядную третьеразрядную развивающуюся страну, выполняющую функции кладовой полезных ископаемых для жизни сытого Запада. Приведенные выше данные говорят о том, что за эти годы они сильно преуспели в этом, а мы, к сожалению, потеряли еще больше.

С великой горечью я описываю наши “достижения” за четвертьвековой период жизни нашего государства. Полагаю, что в подобном моральном состоянии находятся и те миллионы людей, которые жили и трудились в Советском Союзе, отдавая все свои силы и знания для развития своей Родины. Они, наверное, верили, что создают великую державу. Сейчас они – или все мы – задаемся вопросом: во имя чего мы преодолели все трудности и невзгоды? Для того, чтобы Россия занимала в мире такие “почетные” места?

Невозможно на этом фоне объяснить людям, почему они живут с такими трудностями во всех отношениях, а в то же время в стране парад долларовых миллионеров и миллиардеров. Как им все это объяснить?

Для того, чтобы не быть голословным, я позволю себе привести некоторые данные мировой статистики об этой прослойке нашего общества. По итогам 2017 года у нас в стране более чем на четверть выросло число российских долларовых мультимиллионеров. Их теперь насчитывается 38 120 человек. По темпам прироста миллионеров Россия обошла Южную Корею (+23%) и Тайвань (+26%).

Согласно исследованиям, российские мультимиллионеры суммарно владеют 1,2 триллиона долларов. Это соответствует 73,5% ВВП России.

Ультрабогатых россиян с капиталом более 50 миллионов долларов в 2017 году было 2 620 человек, или 2% от общего количества в мире.

По итогам 2017 года у нас в стране насчитывалось более 220 человек с состоянием более полумиллиарда долларов, за год их количество выросло на 22%. По числу супербогачей Россия входит в первую десятку стран мира.

По опубликованным данным, почти 60% ультрабогачей России имеют второй паспорт или второе гражданство, а 45% из них ищут возможность постоянного проживания в другой стране.

Вот такая иллюстрация общего социально-экономического состояния нашей страны и положения отечественных толстосумов. Можно ли делать какие-либо оптимистичные выводы о дальнейшей жизни России при действующей экономической модели? Неужели небывалое расслоение общества – более 20 миллионов наших граждан, живущих за чертой бедности, с одной стороны, и несколько тысяч богачей с их образом жизни, бросающих вызов всему

обществу, с другой, — не требует от руководства страны настойчиво вести поиск требуемых перемен?

Для того чтобы лечить больных, сначала нужно установить диагноз. Все само собой не решится. Нужны конкретные действия — такова реальная обстановка и в этом наша ответственность перед нацией. И пусть приведенные выше тяжелейшие данные звучат как тревожный сигнал, призыв к действию в нашей стране.

Итак, можно с уверенностью говорить о полной исчерпаемости политико-экономической модели, взятой на вооружение четверть века тому назад. Она уже в ранние 1990-е годы проявила себя несостоятельной, не способной достичь поставленных целей — если не считать целями разгром собственной экономики и открытие страны как в экономическом, так и в политическом плане. Эксперимент принес такие плоды в виде тягот и невзгод для людей, которых мы не знали даже в годы Великой Отечественной войны.

Особенностью создавшейся в последние годы ситуации для российской элиты, сложившейся в рамках “Вашингтонского консенсуса”, является поток санкций, наложенный США на наши корпорации. Дело в том, что отечественные, если их можно так назвать, корпорации сделаны по образу и подобию западных транснациональных корпораций. Они превращены в открытые акционерные общества, чьи акции оборачиваются на контролируемых Западом фондовых и валютных биржах. Это главный риск для наших крупных компаний. И если ситуация нарастания ущерба выйдет за определенные рамки, то явно встанет вопрос об их национализации. Национализация же в нынешнем положении госбюджета будет весьма большой проблемой.

Развитие госпредприятий в условиях экономической автаркии было лишь при советской модели экономики. Тогда были не страшны никакие санкции, потому что внутренняя финансовая политика контролировалась не биржевыми спекулянтами, а государством. Капитальные вложения шли по линии государства и осуществлялись на плановой основе. Кредиты шли лишь на поддержание оборотных средств и стоили 1,5–2%.

Советский Союз был неуязвим для санкций, и это являлось его большим преимуществом. Сейчас же в России все понимают, насколько ошибочным было решение о полной открытости нашей политической и экономической системы для Запада, когда верхушке и многим отечественным недоброжелателям хотелось поскорее попасть в Европу. Российская элита пошла даже на отрыв от своего государства с тем, чтобы попасть во власть (акционерные общества) государств противника.

Состояние экономической войны с Западом стало шокирующим откровением для тех, кто “жизнь положил” для отказа от советского наследия и его уничтожения. Теперь-то им уже ясно, что основные положения той, советской системы были бы надежным защитным механизмом для них в нынешней ситуации. И все больше становится очевидным, что потребуются специальные решения по коренному изменению существующей экономической модели.

Однако осуществление серьезных изменений в нынешней экономической системе будет весьма сложным по политическим и психологическим мотивам. Россия слишком долго компрометировала эти принципы и слишком основательно вошла в мировой экономический порядок, где роль Госплана выполняет МВФ. Перестраиваться будет необходимо, но сложно, так как инерция колоссально велика.

Таким образом, в России необходим демонтаж западной системы, выразителем которой является “Вашингтонский консенсус”. Путин лишь подготавливал грядущие перемены. И чем дальше будет усиливаться давление на Россию, тем быстрее она вынуждена будет перейти к опоре на собственные силы. Вполне понятно, что элита в России решиться на это не способна, но наступит время, когда нация приходит к разрешению проблем путем долгих страданий и невзгод. В такие периоды элиты вырабатывают стратегию, спасающую народ от вымирания. Если же им это не удается, они исчезают, и никто не вспоминает о них, кроме историков.

Сейчас инстинкт самосохранения российской элиты будет главным качеством, требующимся от нее в сложившейся ситуации. Недостатком современной системы государственно-монополистического капитализма является чрезмерная персонификация конфликта интересов. Конфликтуют крупные собственники и сросшиеся с ними чиновники, ставшие весьма состоятельными

собственниками. Такое сращивание означает коррупцию и ослабление рычагов государственного влияния на бизнес и аппарат. Государство становится заложником интересов крупных корпораций, а также возглавляющих эти корпорации олигархов.

Отказ от четвертьвекового наследия представляется совершенно неизбежным следствием нынешнего глобального конфликта России с Западом. Мы должны трезво посмотреть на это и понимать – страна оказалась перед лицом смертельной угрозы.

Необходимость перемен

Социально-экономический уровень развития нашей страны в последние четверть века явился, как уже было сказано, результатом взятия на вооружение неолиберальной школы и основных положений “Вашингтонского консенсуса”. Но даже это не освобождает руководство новой России от разработки новой системы социально-экономического управления.

Однако какого-либо продуманного проекта практически не было. В это время новый механизм управления складывался стихийно и слишком медленно. Правительство вынуждено было реагировать лишь на вновь возникающие текущие вызовы без постановки реальных стратегических целей и без движения к их достижению. Поистине, экономика “без руля и ветрил”!

В то же время нельзя сказать, чтобы совсем не было рекомендаций, куда и как идти российской экономике. Это были широко разрекламированные, но и быстро забываемые стратегии развития страны на каждые десять лет (до 2010 года, 2020, 2030... года и т. д.). Авторами их были практически одни и те же люди, да и основа их тоже была одинаковая, как заезженная колея: “меньше денег, больше рынка” и “больше денег, меньше контроля”. Все эти провалившиеся стратегии демонстрируют, с одной стороны, управленческую некомпетентность, а с другой, – устойчивую выживаемость авторов этих “шедевров”.

Вхождение в 1990-е годы в рынок и демократию привело к деградации высокотехнологического производства, образования и здравоохранения, невиданному росту преступности, принесли такие рыночные “новинки”, как фальсификация продукции, мошенничество в услугах, запредельное расслоение населения по качеству жизни, бедность большинства и сверхбогатство немногих и т. п. Приватизация, монетизация и либеральные законы дополнили этот список и тоже стали основным источником негатива жизни.

Что же все-таки входило в государственное управление? Основные инструменты государственного управления – это разного рода (экономические, социальные, отраслевые и т. п.) и разного статуса (федеральные, региональные, отраслевые и т. д.) программы – были направлены на решение некоторых конкретных задач, к ним добавлялись десятки отдельных проблем: борьба с засухой, природными пожарами, последствиями мирового кризиса и т. п. Подобные программы, но более основательные, принимались и в советское время: химизация народного хозяйства, мелиорация и т. д. Но они становились в дальнейшем неотъемлемой частью народнохозяйственных планов – годовых и пятилетних. Эти же живут скоротечной жизнью и умирают сами по себе. Да и могли ли они жить, если сроки их действия были совершенно различны: 2015, 2020, 2025, 2030 годы и т. д.?

Все это напоминает пародию на государственное управление. И ко всем этим “программам” в полной мере можно применить выражение “бабушкино лоскутное одеяло”.

В нынешней экономике процесс реализации государственных программ зависит только от их реального финансирования. Следовательно, министерство финансов РФ становится главным регулятором экономического развития, но при этом еще существует и министерство экономического развития. Роль этого министерства как правопреемника Госплана СССР низведена сейчас до уровня, близкого к нулю.

Программный способ управления экономикой показал свои существенные недостатки. Как уже было сказано, программы имеют разные горизонты реализации, пересекаются по объектам воздействия, конкурируют между собой за финансирование, обрастают паразитирующим слоем лоббистов и коррупционеров, имеют разных заказчиков, плохо согласованы между собой,

не имеют общей задачи развития народного хозяйства страны. Отсюда — крайне низкая эффективность социально-экономического управления страной в целом, отсюда — “ручное управление” и управление по указам.

Анализируя централизованное планирование в недалеком прошлом, следует отметить как его положительные стороны в социально-экономической жизни страны, так и теневые.

Положительным является тот факт, что у государства всегда существовала определенная цель, и оно могло достичь в своем развитии намеченных рубежей. Отрицательной стороной была постановка задачи, иногда заведомо не осуществимой, что являлось результатом огромного влияния административно-партийной системы управления страной. Высокие показатели хозяйственной деятельности — это залог партийного руководства получить положительную оценку их работы, что, в свою очередь, влияло на оценку деятельности партийных функционеров со всеми вытекающими отсюда последствиями — награды, продвижение по карьерной лестнице и т. п.

Возникает вопрос: что необходимо предпринять в стране после провальных четвертьвековых результатов? Вернуться ли к советской модели государственного регулирования или продолжать линию неолиберализма по Вашингтонским лекалам?

В сложившейся ситуации становится на крайние позиции этих двух экономических моделей было бы нецелесообразно. Нужно найти симбиоз обещанных либералами привлекательных черт рынка с преимуществами государственного планирования. Успешный опыт такого соединения в разных формах и разных обстоятельствах можно видеть в практике экономического управления многих стран: во Франции в середине прошлого века, в Японии, Индии, Вьетнаме и других, в настоящее время — в Китае.

Во всех случаях государственное вмешательство в форме селективного регулирования и индикативного планирования способствовало выводу рыночной экономики из сложного положения на траекторию здорового роста, и во многих странах такое управление прижилось и работает уже десятки лет.

В России сложились уникальные обстоятельства. У нас еще остался навек к деятельности при плановой системе, да и с рыночной стихией мы довольно основательно ознакомились. Это нас отличает от других стран, идущих по пути конвергенции.

Нынешнее состояние российской экономики характеризуется падением темпов развития и возникшими в связи с этим проблемами в социально-экономической жизни общества, а также переходом мировой экономики к новому, шестому технологическому укладу. Без существенного изменения экономической модели страна и дальше будет терять необходимые темпы развития со всеми вытекающими социально-экономическими последствиями. Принимаемые сейчас локальные, точечные решения не смогут коренным образом изменить положение в отечественной экономике. Нужны глубокий анализ ее состояния и новые подходы к ее развитию.

В последнее время вопрос о выработке стратегического экономического курса активизировался. Группа известных экономистов во главе с академиком РАН С. Ю. Глазьевым настаивает на принципиальном изменении существующей модели, которая исчерпала себя и не может обеспечить развитие экономики для решения государственных и социальных задач. Они предлагают перейти к стимулированию за счет роста инвестиций не в сырьевые и финансовые гиганты, а в конкурентную экономику миллионов предпринимателей.

В их предложениях подчеркивается, что в странах, нацеленных на развитие, уровень инвестиций составляет 30% ВВП и выше, тогда как в современной России он не превышает 18%. Этим мы сами перекрываем возможности долгосрочного экономического роста. Особую тревогу у специалистов вызвало решение Президента России о том, что разработку новой экономической стратегии возглавит бывший министр финансов, а с недавнего времени председатель Счетной палаты А. Кудрин. В нашей стране знают этого человека не с лучшей стороны. Происходящее в последнее время в экономике является результатом его политики, которую он последовательно проводил в течение длительного времени. Несколько лет назад он описал ее в статье “Новая модель роста для российской экономики”. Ключевая идея стратегии Кудрина — дальнейшее насаждение монетарных стимулов с полным устранением какого-либо государственного вмешательства. Он предлагает демонтаж выстроенного

в России “госкапитализма” и продолжения, “углубления” и “совершенствования” гайдаровской политики, которая привела нас к нынешнему состоянию в экономике.

В конце 2016 года в Совете Федерации была создана специальная Временная комиссия по выработке предложений по усовершенствованию существующей экономической модели страны. Глубокое обсуждение этой проблемы с ведущими учеными и специалистами показало: дальнейшее социально-экономическое развитие возможно только в тесном сочетании совершенствования рыночных отношений с необходимым государственным регулированием, о чем говорилось выше. В этом случае будет достигнуто органическое сочетание конкурентной борьбы рынка и необходимого влияния государства.

Трудно представить себе, что переход на шестой технологический уклад и проведение необходимой структурной перестройки экономики произойдут стихийно, сами по себе, — особенно при заинтересованности Запада в сохранении у нас существующего положения. Государство должно управлять необходимыми процессами — в этом и заключается смысл его существования. Разрабатывая конструктивные предложения по реформированию экономики, следует опираться как на положительный, так и отрицательный опыт советской системы и четвертьвекового периода рыночных отношений в современной России.

Прежде всего, следует создать четкий механизм реализации стратегических целей страны. Для этого необходимо решить вопрос стратегического планирования как основного фактора социально-экономического развития государства. В настоящее время разрабатывается и принимается государственный бюджет на один год и перспективный — на три года. Государственного плана развития экономики не существует. Имеющиеся программы по отдельным проблемам, как уже было сказано, не увязаны между собой. Отрицание планирования носит субъективный характер и связано с неприятием советской системы и ее экономического инструмента — Госплана СССР, которое упорно культивируется в последние более чем два десятилетия.

С учетом сложившегося положения и задач, стоящих перед страной, вместо разработки трехлетнего плана государственного бюджета необходимо ввести в практику разработку пятилетних и годовых планов развития всей экономики. Они должны включать два раздела: развития экономики и финансового обеспечения. Их должны разрабатывать и представлять в Правительстве, Государственной Думе и Совете Федерации соответственно министр экономического развития и министр финансов РФ.

Для динамичного развития экономики потребуется более четкая работа по формированию министерством экономического развития материальных балансов. Именно они должны определять истинную картину возможностей страны. Потребность в материальных и иных ресурсах должна отражаться в них достаточно четко: это необходимо для общей ориентации рынка и реализации конкретных заданий — строительства крупных предприятий, гидростанций, новых специальных объектов и т. д. Предлагаемая система не исключает разработку перспектив социально-экономического развития на десять лет вперед. Эта перспектива наметит цели, которые будут стоять перед страной в этот временной период, и даст возможность более четко формировать пятилетние планы.

Особо следует осветить еще два вопроса. В первую очередь речь идет о разработке и реализации национальных программ, в виде которых будут оформляться некоторые важнейшие, но сложные проблемы. К примеру, назрел вопрос о решении проблемы обеспечения населения отечественными лекарственными препаратами. Сейчас примерно 80% лекарств, как известно, закупается за рубежом; в советское же время 80–90% лекарств производилось в стране. Необходима разработка специальных программ с тщательным госконтролем и необходимым финансированием — иначе лекарства в скором времени перейдут в разряд недоступных для рядового человека товаров. Вторая проблема — взаимозависимость федеральных и региональных планов экономического развития. Общегосударственные задачи должны быть составной частью региональных планов.

Рассмотрение пятилетних и годовых планов, как уже говорилось, должно осуществляться по схеме: Правительство РФ — Государственная Дума — Совет Федерации — Президент РФ.

В федеративном государственном регионе занимают особое место. Здесь сходятся политические и экономические проблемы страны. От их деятельности зависит состояние здоровья государства в целом. Между тем за прошедшие десятилетия непрерывно менялись условия политической и экономической деятельности регионов, причем зачастую эти изменения носили субъективный характер; учитывалось, в первую очередь, экономическое и политическое состояние Центра. Эти решения в основном ущемляли интересы регионов. В частности, в 2015 году Счетная палата установила, что за десять лет дополнительные доходы, не компенсированные одной только Белгородской области федеральным бюджетом, составили 109 млрд рублей – два годовых бюджета области!

За прошедшее время так и не были сформированы стабильные правила социально-экономической жизни регионов. Различия в их экономическом потенциале не оправдывают положение, при котором только 10–12 регионов являются самодостаточными и донорами, а остальные получают дотации из Центра. При всей трудности решения этой проблемы оно должно быть найдено. Одним из главных шагов в этом направлении должно быть введение в жизнь плановых начал. Нельзя пускать этот важнейший вопрос жизни многонациональных регионов на самотек, оставляя при этом не заселенными огромные просторы Сибири и Дальнего Востока.

Сложившееся положение не назовешь безвыходным. В губернаторском корпусе есть отличные экономисты с огромным положительным опытом руководства конкретными регионами. Руководству страны надо внимательно изучить их опыт, выбрать рациональное зерно, подходящее для всех регионов, и принять взвешенное решение. При этом необходимо изучить опыт советской системы. У нее тоже были трудности, но были и реальные результаты в том, что касается решения не менее острых региональных проблем.

Мир вошел в шестой технологический уклад. В отличие от России, успешно развивающиеся страны целенаправленно наращивают кредитование своих экономик в целях форсированного перехода к этому технологическому укладу. И не случайно производства, использующие нанотехнологии, наноматериалы и т. д., имеют темпы роста 30–70% в год; отрасли, связанные с геной инженерией, наносистемной техникой, клеточными технологиями, светодиодами прирастают на 35% в год; телекоммуникация, образование, химико-металлургический комплекс, ракетно-космический комплекс, растениеводство и здравоохранение – до 10% в год.

Так, в США доля производительных сил, приходящаяся на шестой технологический уклад, сегодня уже превышает 5%, на пятый – не менее 60%, четвертый как уходящий – всего 20%. Мы же в основном вращаемся в четвертом. Поэтому, если за ближайшие годы мы не сумеем найти своего места в этой научно-технической гонке, Россия навсегда потеряет статус одного из лидеров научно-технического прогресса и будет собирать крохи с “мирового стола”.

Тем более что за четверть века после разрушения Советского Союза произошли большие изменения и для отечественной науки – к сожалению, не в лучшую сторону. Гордость нашей научной мысли – Российская академия наук, созданная триста лет тому назад Петром I, – к счастью, продолжает жить; но на сегодня еще не ясно, выдержит ли она неожиданную и скоропалительную реформу.

С учетом ликвидации отраслевого управления экономикой практически уничтожены, кроме ВПК, отраслевые научные учреждения. При этом поворот в сторону университетской науки происходит медленно: на Западе для этого потребовались сотни лет. Подорвана заводская наука – а ведь на крупнейших заводах типа “Уралмашзавод” были созданы и эффективно работали свои научно-исследовательские и проектные институты. Однако даже это не дает основания считать ситуацию безысходной. Научный потенциал еще сохранился, его надо оживить, придать ему новое дыхание. Если на карту поставлено существование нашей страны, необходимо принимать неординарные меры.

Прежде всего, следовало бы создать **Государственный комитет по научно-технической политике**, по образу советского ГКНТ. В сферу его деятельности можно было бы включить:

- планирование фундаментальных и перспективных прикладных исследований;
- управление агентством по науке, согласование ведомственных научных исследований;

- координация прикладных научных исследований, стимулирование инновационной активности;
- развитие массового научно-технического творчества, самоорганизацию и популяризацию инженерной деятельности;
- развитие инфраструктуры инновационной деятельности и научных исследований.

Следовало бы поставить во главе такого комитета известного ученого с хорошими организаторскими способностями и предоставить ему ранг заместителя председателя Правительства, как это было в советское время.

К сожалению, наши предложения остались невостребованными. В новой структуре правительства, утвержденной в мае 2018 года, министерство образования и науки разделили на два: министерство просвещения и министерство науки и высшего образования. На первый взгляд, науке отдали должное. Но это только на первый взгляд. Единственное, что можно рассмотреть как положительное в этом решении, – увод из академической науки ФАНО, которое буквально душило нашу высшую науку своим бюрократизмом.

В мировой практике, в том числе и в Советском Союзе, для разработки научно-технических достижений и их широкого распространения создавались специальные научно-технические объединения. Разработанные в них достижения науки широко распространялись по стране. В Китае эту функцию выполняют специальные закрытые зоны. Наши политики в последние десятилетия повторили опыт китайцев, но, правда, только в коррупции. Так были похоронены несколько попыток создания генераторов научно-технического прогресса страны.

Уже сейчас ясно, что создание дорогостоящего “Сколково” этой проблемы не решит. В науке огромную роль играют научные школы, которые из поколения в поколение накапливают и передают по наследству научный потенциал. Между тем в случае “Сколково” не прослеживается даже приблизительной постановки этой задачи. Было бы целесообразно реанимировать те советские наукограды, в которых еще сохранились научные кадры. Это основа для создания новой материальной базы для науки и промышленности. Да и закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) следовало бы перестать “общипывать”, а дать им возможность развивать и науку, для чего они были созданы, и производство, основанное на достижениях научно-технического прогресса. Надо тщательно разобраться с наследием великого научно-технического прошлого страны и использовать его в максимальной степени.

Что же мы имеем в своем арсенале по реализации необходимых для нашей страны изменений экономической модели? Казалось бы, основа есть. В июне 2014 года Госдумой был принят закон “О стратегическом планировании в Российской Федерации”. Этот закон ждали многие годы и, естественно, возлагали на него большие надежды. Прошло четыре года. Через два года после его принятия были внесены существенные изменения и определен новый срок разработки стратегии социально-экономического развития страны – до 1 января 2018 года, а разработки иных документов стратегического планирования и приведения их в соответствие с Федеральным законом – до 1 января 2019 года.

Разговоров и обсуждений на эту тему вполне достаточно, и даже существует несколько вариантов названия необходимого органа стратегического планирования – Росплан, Госплан РФ и т. д. Однако, судя по структуре правительства 2018 года, надеяться на существенный сдвиг в этом вопросе крайне проблематично.

Создавшееся в стране положение требует комплексной модернизации экономики на основе новых принципов хозяйствования, о которых говорилось выше, а также новейших технологий. Такая модернизация по силам только государству, действующему от имени и в интересах всего общества. Без форсированного решения указанных задач сохранение до 2024 года стабильности с учетом внешних и внутренних напряжений представляется весьма сложным.

Сейчас, когда пишутся эти строки, опубликована структура нового правительства 2018 года. В ранге первого заместителя Председателя Правительства России с сохранением поста Министра финансов РФ стал прежний глава этого министерства. Расценивать это можно как признак того, что руководство страны желает сохранить стабильную и предсказуемую монетаристскую политику.

Ключевые министры финансово-экономического блока правительства сохранили свои портфели. Традиционно отсутствие значимых изменений в составе правительства означает преемственность курса и, естественно, напрашивается вывод, что он на ближайшие годы останется прежним. Однако, по мнению ряда экспертов, ставка на текущий экономический курс не снимает необходимости проведения реформ. Они нужны для дальнейшей жизни государства, так как правительства приходят и уходят – а народ и страна остаются навсегда!

Говоря о необходимости проведения реформирования социально-экономической сферы страны, следует иметь в виду, что в России произошли большие изменения. Речь идет об отношении населения к действиям правительства по решению проблем их социальной жизни. У людей все больше и больше формируется мнение, что они должны выживать, надеясь только на себя. Они теряют веру в правительство, не доверяют обещаниям по поводу реформ и не надеются на помощь государства. Создается впечатление, что власть и народ существуют в параллельных реальностях.

Исследования специалистов показывают, что, несмотря на трудную жизнь, которая больше похожа на выживание, многие соотечественники не считают ситуацию безвыходной. Они ищут выход самостоятельно, не рассчитывая на государство. Здесь действует принцип: “Спасение утопающих – дело рук самих утопающих!”

Такое положение весьма тревожно в отношении нашей Родины. К счастью, в сознании людей еще сохраняется идея: “Мы – представители сильной, великой державы!” Но с учетом реальной ситуации в социально-экономической жизни народа уже сейчас 33% опрошенных говорят на это “нет”, а 50% считают, что Россия – “великая держава” только по таким критериям, как наличие сильной армии и способность отстаивать свою территориальную целостность. Другие критерии, по их мнению, в стране отсутствуют: это процветающее население, наличие технологий в развитии экономики и т. д.

Как ни прискорбно, но людям, как они заявляют, не понятны мотивы поведения власти и они считают, что внутренняя политика государства находится в тупике. Надежда людей на государство практически утеряна.

Некоторые специалисты при этом утверждают, что это большое достижение, что люди учатся полагаться только на себя, исчезает потребность в хозяине, который мог бы улучшить их жизнь. По данным Левада-Центра, большинство россиян – от 60 до 80% – рассчитывают в основном только на собственные возможности и силы и лишь меньшинство – от 10 до 30% – надеются на социальную защиту и поддержку со стороны общества, государства.

В то же время, оценивая как положительный факт, что люди более активно стали действовать и самостоятельно решать свои социально-экономические вопросы, нельзя не высказать при этом и определенную тревогу. Проведенная 7 июня 2018 года “Прямая линия с Президентом России” показала общие проблемы: цены на топливо, продукты питания, авиабилеты, коммунальные услуги растут, больницы и школы закрываются, обещанные государством льготы не предоставляются и т. д. Кому решать эту проблему? Каждому индивидуально?

Государство и его руководство не могут уходить от их решения. Это их святая обязанность. И только органичное сочетание действий государства и личная инициатива его граждан могут принести успех. Нельзя бросаться в крайности. Мы, к сожалению, в этом деле уже преуспели.

И, тем не менее, мы все живем в ожидании перемен. И меня не покидает мысль и не оставляет надежда, что необходимые изменения грядут. Не об этом ли говорил Владимир Владимирович Путин на инаугурации в Кремле 7 мая 2018 года?

“Объединив усилия всех, кто радует за страну, за ее будущее, мы обязательно достигнем наших целей, добьемся прорывов в науке и технологиях, вместе реализуем масштабные планы обновления городов и сел, развития всех наших регионов. Будем активно проводить современную социальную политику, настроенную на нужды каждого человека, каждой российской семьи, повышать качество образования и здравоохранения. Особое внимание уделим поддержке традиционных семейных ценностей, материнства и детства, чтобы в России рождалось как можно больше желанных, здоровых, умных, талантливых малышей. Это им, нашим детям, предстоит строить нашу страну дальше, добиваться ещё больших успехов, чем их родители, уважать и продолжать историю нашего Отечества”.